

Морвен Блэк

Он мой грех

18+

Морвен Блэк

Он мой грех

«Автор»

2026

Блэк М.

Он мой грех / М. Блэк — «Автор», 2026

Элира Вейн — реставратор запрещённых текстов. Её дар — слышать шёпот прошлого, но однажды она касается древней печати и слышит голос, который не должен был пробудиться. Он говорит, что ждал её тысячи лет. Он называет её своей. И он не остановится, пока не получит её душу. Капитан соборной стражи Адриан Корвус — единственный, кто может её защитить. Но чем ближе они становятся, тем яснее Элира понимает: её грех — не тьма, что рвётся наружу. Её грех — любовь к тому, кто должен был остаться в книге. Тёмное любовное фэнтези, где страсть переплетается с мистикой, а прощение становится оружием. Каждая дверь, которую она открывает, ведёт к новой бездне. Каждый поцелуй — к новому проклятию. И когда придёт время выбирать между миром и любовью, Элира поймёт: иногда единственный способ закрыть тьму — принять её.

© Блэк М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кровь на печати	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Он мой грех

Глава 1. Кровь на печати

Дождь в Вердани никогда не заканчивался.

Он не шёл — он сочился из низкого свинцового неба, как гной из старой раны: медленно, упрямо, с запахом мокрого камня и гари. Город просыпался под звон колоколов Собора Непорочного Света, и этот звон был похож на приговор, который зачитывают каждое утро заново. Семь ударов. Семь кругов. Семь напоминаний о том, что человек рождается грязным, живёт виноватым и умирает только с разрешения тех, кто держит ключи от неба.

Я сидела в мастерской при архивной башне, согнувшись над листом пергамента, и пыталась не думать о том, что ненавижу этот город.

Под ногтями у меня забились пыль веков, на левом запястье ныл старый шрам, а передо мной лежала страница, которой было больше лет, чем камням под нашими ногами. Кто-то когда-то писал на ней молитву, потом — донос, потом — любовное признание, а сверху, торопливо и зло, вывел: «Сожги меня». Буквы наслаивались друг на друга, как грехи одной семьи. Я проводила над ними кончиками пальцев, и бумага отвечала мне. Не словами. Теплом. Дрожью. Обрывками чужих эмоций, которые я не просила и от которых не могла избавиться.

Меня зовут Элира Вейн. Мне двадцать три. И я — реставратор запрещённых текстов.

Официально. В бумагах. С печатью архива. С ежемесячным жалованьем, которого едва хватало на комнату без окна и на лекарство от бессонницы. Неофициально же я была одной из тех, кого Собор держит подле себя, как держат цепного пса: потому что могу унюхать ложь в старой бумаге и вытащить из неё память, которую лучше бы оставить мёртвой.

Дар у меня был скромный. Так говорил архивист Матиас. «Скромный, Элира. Не смей называть это чудом. Чудеса — у Света, а у тебя — ремесло».

Я и не называла. Я вообще старалась ничего не называть вслух в этом городе. Слова здесь имели вес, а некоторые — и цену.

За окном снова ударили колокола. Я вздрогнула и смахнула со стола крошку воска. На пергаменте проступило тёмное пятно — влажное, будто страница вспотела от страха. Я отняла руку. Пятно медленно впиталось, оставив на коже запах железа.

Не впервые. Но каждый раз мне казалось, что за мной кто-то смотрит.

Мастерская была пуста. Только стеллажи с бутылками, кистями, рыбьим клеем и свинцовыми грузами; только стол, заваленный фрагментами рукописей; только клетка с канарейкой, которую Матиас держал не из любви к птицам, а чтобы знать, когда в воздухе появляется ядовитый туман из нижних хранилищ. Канарейка спала, спрятав голову под крыло. Значит, воздух был чист.

Я уже собиралась вернуться к работе, когда за дверью послышались шаги.

Не мягкая поступь послушника. Не шарканье старика Матиаса. Твёрдый, размеренный стук сапог — так ходили люди, которым не нужно было стучаться, потому что они привыкли, что двери открываются сами.

Я успела прикрыть пергамент чистой тканью и выпрямиться. В дверях стоял капитан соборной стражи Адриан Корвус.

Он был высок, широк в плечах и слишком красив для человека, который каждый день отдаёт приказы о порке. Тёмные волосы, забранные назад, серые глаза, шрам от виска к скуле — тонкий, как трещина на фарфоре. На его плаще блестели капли дождя. На левой перчатке — свежее пятно крови.

— Мастер Вейн, — сказал он.

Не «госпожа». Не «Элира». Мастер Вейн. Как будто я была инструментом, который можно вызвать по имени.

— Капитан, — ответила я ровно. — Если вы снова принесли мне изысканную книгу, я просила передавать через канцелярию. У меня нет привычки принимать вещи, за которые потом могут отрубить руки.

Адриан не улыбнулся. Он вообще редко улыбался. Но в этот раз что-то в его лице было не так. Слишком неподвижное. Слишком внимательное.

— Архивариус Матиас ждёт вас в Крипте Искуплений, — произнёс он. — Немедленно.

У меня похолодели пальцы.

Крипта Искуплений не была местом для реставраторов. Там хранили то, что не должно было видеть света: конфискованные еретические трактаты, дневники казнённых, реликвии падших домов. Говорили, что в самом нижнем ярусе лежит книга, которая некогда принадлежала самому Врагу — не человеку, не демону, а чему-то, у чего нет имени в молитвах. Говорили разное. Но все, кто спускался туда слишком глубоко, возвращались либо сломленными, либо не возвращались вовсе.

— Почему я? — спросила я. — У архива есть пять реставраторов. Четыре из них старше меня. Трое — опытнее. Двое — хотя бы не боятся подвалов.

— Приказ архивариуса, — коротко сказал Адриан.

— А ваш приказ?

Он сделал шаг вперёд. Достаточно близко, чтобы я почувствовала запах мокрой шерсти и оружейного масла. Достаточно близко, чтобы увидеть: под серым воротом у него на шее нет обычного серебряного медальона Света. На его месте — красная полоса, будто кто-то провёл по коже раскалённой проволокой.

— Мой приказ, — тихо сказал он, — довести вас до места живой. И, если получится, вывести обратно.

— Если получится?

— Мастер Вейн. — Он наконец посмотрел мне прямо в глаза. — В Крипте сегодня ночью умер сторож. Он был не старым. Не больным. Он просто сидел на стуле и смотрел в одну точку, пока кровь не вытекла у него из ушей. Я не хочу, чтобы то же случилось с вами. Но архивариус считает, что только вы можете справиться с тем, что там нашли. А я считаю, что у меня нет времени спорить с архивариусом.

Канарейка в клетке вдруг встрепенулась и издала короткий, испуганный звук.

Я посмотрела на неё. Потом на Адриана. Потом на ткань, под которой лежал пергамент с пятном, похожим на кровь.

— Дайте мне плащ, — сказала я.

Дорога до Крипты шла через сердце Собора — и это было самое неприятное путешествие, которое я могла представить.

Мы шли по длинным галереям, где под сводами висели знамёна домов, давно превратившихся в пепел. Витражи изображали святых с глазами, вырезанными из дымчатого стекла; когда мимо проходил свет факелов, глаза начинали двигаться. Я знала, что это игра отблесков. Знала — и всё равно каждый раз ускоряла шаг.

Служители в серых рясах кланялись Адриану и провожали меня взглядами. Я была для них чем-то средним между полезной вещью и заразной болезнью. В детстве я жила в приюте при Соборе, и с тех пор все здесь знали: Элира Вейн — сирота, найденная в день Большой Печати; Элира Вейн — та, у которой на запястье шрам в форме полумесяца; Элира Вейн — та, что слишком хорошо слышит бумагу.

В приюте мне объяснили, что шрам — это знак милости. Позже я узнала, что милостью здесь называют право работать до тех пор, пока ты не сломаешься.

— Вы верите в грех, капитан? — спросила я, чтобы нарушить тишину.

Адриан не замедлил шаг.

— Я верю в последствия.

— Удобно.

— А вы?

Я подумала о том, что грех — это не только поступок. Иногда это человек, который стоит слишком близко и слишком долго молчит. Иногда — город, который каждый день прощает себе всё.

— Я верю в счета, — сказала я. — Кто-то всегда платит.

Адриан бросил на меня быстрый взгляд. В нём не было ни насмешки, ни жалости. Только предупреждение.

— Сегодня, мастер Вейн, платить будете не вы. Постарайтесь, чтобы так и осталось.

Мы спустились по винтовой лестнице. Воздух становился холоднее и гуще. На стенах появились вырезанные из камня лица с закрытыми глазами — так в старых храмах отмечали места, где нельзя говорить громче шёпота. Я коснулась перил и почувствовала под пальцами чужой страх. Не свой. Чужой. Он впитался в железо, как масло в тряпку.

Ступени закончились перед дверью из чёрного дуба. На ней не было ни ручки, ни замка — только круг из семи врезанных в дерево символов. Шесть из них были мне знакомы: печати молчания, печати памяти, печати крови. Седьмой я видела впервые. Он походил на спираль, свёрнутую в человеческое сердце.

Адриан достал из-за пазухи плоский ключ из кости. Вставил его в углубление в центре круга. Дверь вздохнула — иначе это не назвать. Из-под неё выползла струйка холодного воздуха, пахнувшего землёй и ладаном.

— Внутри вас встретит брат Иероним, — сказал Адриан. — Он хранитель нижнего яруса. Делайте только то, что он скажет. Не трогайте ничего без разрешения. Не читайте вслух. И, ради всех святых, мастер Вейн, не позволяйте себе думать, что вы понимаете, с чем имеете дело.

— А если пойму?

Он посмотрел на меня так, будто уже видел моё имя в списке умерших.

— Тогда молитесь, чтобы это было не так.

Он открыл дверь и пропустил меня вперёд.

Крипта Искуплений была не подвалом. Подвалы — это сырость и крысы. Крипта была чревом. Тёмным, тёплым, живым. Стены здесь были сложены из чёрного камня с прожилками, похожими на вены; они слабо светились, когда я проходила мимо, и гасли за спиной. Пол под ногами пружинил, будто под плитами пряталась вода. Где-то далеко капало. Капля падала не через равные промежутки, а как будто сбивалась с ритма, когда я думала о ней.

Брат Иероним ждал у второй двери. Он был невысок, сух, с лицом, похожим на старую карту: каждая морщина — река, каждая складка — граница. В руках он держал фонарь с синим стеклом. Свет от него ложился на пол кругами, как круги на воде.

— Мастер Вейн, — сказал он. Голос у него был шелестящий. — Архивариус Матиас ждёт в третьем ярусе. Он просил передать: времени меньше, чем кажется.

— Что случилось с вашим сторожем?

Иероним переступил с ноги на ногу. Фонарь дрогнул.

— Он слушал, — сказал старик. — Мы все иногда слушаем. Но он слушал слишком долго.

— Что именно?

Иероним поднял на меня глаза. В них не было страха. Только усталость человека, который слишком давно носит на плечах чужую тяжесть.

— То, что не должно говорить, — ответил он. — Пойдёмте.

Мы прошли ещё два яруса. Чем глубже мы спускались, тем сильнее я чувствовала чужое присутствие. Не взгляд — давление. Как будто на меня смотрели тысячи страниц одновременно, и каждая ждала, когда я повернусь. Я слышала шорох. Шелест. Обрывки слов, которые не успевала поймать. Мне казалось, что стены шепчут моё имя — неправильно, с ударением на последнем слоге, так, как меня не называл никто.

В третьем ярусе было теплее. Здесь стояли длинные столы, на которых лежали книги в цепях. На некоторых цепях висели печати Собора; на других — просто ключья ткани, пропитанные воском. В центре зала возвышался каменный постамент, накрытый чёрным сукном.

Над постаментом стоял архивариус Матиас.

Он был высок, худ и бледен, как человек, который всю жизнь провёл среди бумаг и ни разу не видел солнца. Его пальцы непрерывно перебирали чётки из тёмного дерева. Когда я вошла, он не обернулся. Смотрел на сукно так, будто под ним лежало что-то живое.

— Элира, — сказал он. — Подойди.

Я подошла. Иероним остался у двери. Адриан — за моей спиной, на расстоянии шага. Я чувствовала его напряжение, как чувствуешь сквозняк из щели.

— Что здесь? — спросила я.

Матиас наконец обернулся. В его глазах было что-то, чего я никогда раньше не видела. Он боялся. Матиас боялся не Бога, не Собора, не людей. Он боялся того, что лежало перед ним.

— Кодекс, — сказал он. — Мы нашли его вчера в тайнике дома Вейл. Ты знаешь этот дом?

Я знала. Дом Вейл стоял на краю квартала, где когда-то жили торговцы редкими тканями. Пять лет назад его сожгли вместе с хозяевами. Официально — за ересь. Неофициально — за

то, что они слишком много знали о происхождении некоторых соборных реликвий. Мне было семнадцать, когда это случилось. Я помнила дым над крышами и то, как пахло жареным мясом.

— Знаю, — сказала я.

— В тайнике был только он. Кодекс Последнего Греха. — Матиас произнёс это название так, будто оно оставляло вкус во рту. — Он запечатан. Но печать повреждена. Нам нужно, чтобы ты восстановила её. Не открыла. Не прочитала. Восстановила. Ты понимаешь разницу?

— Обычно понимаю.

— Сегодня — особенно.

Он кивнул Иерониму. Тот подошёл и осторожно снял чёрное сукно.

Я ожидала увидеть книгу. Кодекс. Что-то в кожаном переплёте, с застёжками, с золотым тиснением. Но на постаменте лежала не книга.

Это был кусок чёрного камня размером с две человеческие ладони. На его поверхности не было ни букв, ни рисунков — только трещины. Глубокие, извилистые, они складывались в узор, который мой мозг отказывался запоминать. Я смотрела на него — и через мгновение уже не могла вспомнить, как именно он выглядел. Как будто камень стирал себя из памяти.

— Это не кодекс, — сказала я.

— Это его обложка, — ответил Матиас. — Остальное... остальное запечатано внутри. Мы не знаем, как оно выглядит. И не хотим знать. Наша задача — закрыть то, что треснуло.

Я наклонилась ближе. От камня шёл слабый запах — не пыли, не ладана. Запах крови и чего-то ещё, тёплого, живого. Как от кожи человека, который только что проснулся.

— Что внутри? — спросила я.

— Грех, — сказал Матиас.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Он достал из рукава тонкий стилет. Лезвие было тёмным, почти чёрным, и на нём дрожал синий отблеск фонаря.

— Печать нужно восстановить кровью, — сказал он. — Твоей. Ты — реставратор. Ты умеешь слышать то, что осталось от прежних владельцев. Камень должен признать тебя.

— Признать? — Я отступила на шаг. — Вы сказали, что это обложка. Обложки ничего не признают.

— Эта признаёт.

Адриан за моей спиной сделал движение, будто хотел вмешаться. Но не вмешался.

— Матиас, — сказала я. — Вы послали за мной, потому что сторож умер. Вы не сказали, как именно он умер. Что вы от меня скрываете?

Архивариус посмотрел на меня долгим взглядом. В нём была жалость. И это было хуже страха.

— Он пытался прочитать то, что внутри, — сказал он. — И оно прочитало его в ответ. Мы не знаем, сколько времени у нас осталось. Но мы знаем, что трещины растут. Если печать не восстановить до Конклава, Кодекс откроется сам. И тогда... — Он замолчал. — Тогда, Элира, нам всем будет не до разговоров о грехе.

Я посмотрела на камень. Трещины на его поверхности показались мне глубже, чем мгновение назад. Одна из них, тонкая, как волос, дотянулась до края.

— Дайте стилет, — сказала я.

Я не помню, как решилась. Помню только, что Матиас вложил мне в руку холодный металл, и я почувствовала, как стилет дрожит — не от страха, а от предвкушения. Будто он был живым.

— Нанеси порез на левую ладонь, — сказал Матиас. — Приложи к центру печати. И не говори ни слова. Что бы ты ни услышала.

— А если я услышу?

— Не отвечай.

Я кивнула. Адриан шагнул ближе. Я чувствовала его взгляд на своём затылке, как прикосновение.

Я провела лезвием по ладони. Боль была острой и чистой. Кровь выступила сразу — тёмная, почти чёрная в синем свете. Я приложила ладонь к камню.

Сначала ничего не произошло. Камень был холодным. Потом — тёплым. Потом — горячим. Я почувствовала, как кровь впитывается в трещины, как вода в песок. И вместе с кровью в меня потекла чья-то память.

Я увидела зал, которого никогда не было. Огромный, с колоннами из чёрного стекла, с полом, отражающим звёзды. В центре стоял трон. На троне сидел человек. Его лицо было скрыто тенью, но я знала — он улыбается. Знала так же точно, как знала собственное имя. Он поднял руку, и на его ладони была точно такая же рана, как у меня. Он сжал пальцы, и из трещин в камне потекли слова. Не буквы. Голоса.

«Элира».

Я вздрогнула. Голос был не громким. Он был внутри. В костях. В зубах. В том месте за грудиной, где обычно начинается страх.

«Элира Вейн. Наконец-то».

Я хотела отнять руку. Не смогла. Камень держал меня, как рот держит язык.

«Не бойся. Я ждал тебя дольше, чем существует этот город. Ты пахнешь... знакомо. Как та девочка, которая плакала в приюте и обещала, что однажды сожжёт всё это место».

Я не помнила такого обещания. Но внутри что-то отозвалось. Тёмное. Голодное. Моё.

— Кто ты? — прошептала я. Губы двигались сами.

Матиас за спиной резко выдохнул. Адриан шагнул вперёд.

— Элира, молчи!

Но было поздно.

Камень под моей ладонью нагрелся до боли. Трещины вспыхнули изнутри красным, как угли. Я почувствовала, как по руке ползёт что-то горячее — не кровь, а знак. Он проступал на коже, обжигая, вырезая изнутри узор, который я не могла видеть.

«Ты уже ответила», — сказал голос. Теперь в нём была насмешка. И что-то ещё. Удовольствие. «Ты спросила кто. А я спросил бы — чей. Но мы оба знаем ответ, правда?»

Я рванулась назад. Камень отпустил. Я упала на пол, прижимая ладонь к груди. Кровь стекала по запястью, капала на каменные плиты. На ладони, там, где только что был порез, горел знак — спираль, свёрнутая в сердце. Точно такой же, как седьмая печать на двери.

Матиас стоял бледный, как мел. Адриан уже держал руку на рукояти меча.

— Что это? — прохрипела я.

Архивариус смотрел не на меня. На камень.

Трещины на его поверхности медленно закрывались. Одна за другой. Как швы на ране. А в центре, там, где я оставила кровавый отпечаток, проступила надпись. Всего три слова. Я прочитала их, и внутри у меня всё оборвалось.

«Он мой грех».

— Печать восстановлена, — тихо сказал Матиас. — Ты справились.

— Что это за надпись?

Он не ответил.

Адриан наконец отпустил меч и подошёл ко мне. Присел на корточки. Взял мою руку — осторожно, будто она была из стекла. Посмотрел на знак. Его лицо не изменилось. Но пальцы, державшие моё запястье, дрогнули.

— Мастер Вейн, — сказал он. — Вы помните, что слышали?

Я открыла рот. И поняла, что не могу произнести ни слова. Горло сжалось. Голос, который говорил со мной из камня, теперь молчал, но я чувствовала его присутствие. Как руку на затылке. Как дыхание в затылок.

— Нет, — сказала я. — Ничего.

Ложь вышла легко. Слишком легко.

Матиас закрыл глаза. Адриан посмотрел на меня долгим взглядом. В нём было слишком много понимания. И слишком мало доверия.

— Отведите её наверх, — сказал архивариус. — И приставьте охрану к её комнате. Не для защиты. Для наблюдения.

— Я не...

— Элира. — Матиас впервые назвал меня по имени без приставки «мастер». — Ты сделала то, что должна была. Теперь мы должны сделать то, что должны. Иди.

Адриан помог мне встать. Я старалась не смотреть на камень. Но когда мы уже подходили к двери, я всё-таки обернулась.

Надпись исчезла. Камень снова был чёрным и гладким, как обсидиан. Но мне показалось — всего на миг, — что в глубине трещин, теперь закрытых, кто-то улыбнулся.

Ночь я провела в своей комнате без сна.

Окна здесь не было. Только кровать, стол, стул и лампа с закопчённым стеклом. Под дверью стояли двое стражников. Я слышала, как они переговариваются: тихо, но не настолько, чтобы я не разобрала слов. «Она дотронулась до камня». «И что?» «И он её отметил». «Это плохо?» «Это хуже».

Я лежала на кровати, не раздеваясь. Ладонь горела. Знак не исчезал — он пульсировал в такт моему сердцу, и с каждым ударом я чувствовала, как в голове шевелится чужая мысль. Не слова. Ощущение. Как будто в комнате кто-то есть. Кто-то, кого я не вижу, но кто видит меня.

Я пыталась думать о деле. О том, что завтра нужно поговорить с Матиасом. О том, что надо найти способ снять знак. О том, что Адриан смотрел на меня так, будто уже знал, чем всё это закончится.

Но мысли возвращались к голосу.

«Ты пахнешь знакомо».

Я не знала его. Я никогда его не слышала. Но в его словах было что-то, от чего внутри поднималась тёплая, запретная волна. Не страх. Хуже. Любопытство. Как будто я стояла на краю пропасти и вместо того, чтобы отойти, наклонялась.

Ближе к утру я забылась тяжёлым, липким сном. Мне снился зал с колоннами из чёрного стекла. Я стояла перед тронем. Человек на троне больше не скрывал лица. Оно было прекрасным и страшным одновременно — как бывает прекрасно оружие, которое вот-вот вонзят в тебя. Он смотрел на меня и улыбался.

— Ты придёшь ко мне сама, — сказал он. — Не потому, что я тебя позову. А потому, что ты не сможешь иначе.

— Я не хочу, — ответила я во сне.

— Знаю. — Он наклонился вперёд. — Это и есть самое интересное.

Я проснулась от того, что кто-то стучал в дверь.

Не стражники. Их шаги я уже научилась различать. Этот стук был другим. Ровным. Настойчивым. Знакомым.

Я села на кровати. Сердце колотилось. Ладонь горела так сильно, что я почти видела свет сквозь кожу.

— Кто там? — спросила я.

Дверь открылась.

На пороге стоял Адриан. Без плаща. Без перчаток. В одной рубашке, с распущенными волосами, и в его глазах было что-то, от чего у меня пересохло во рту.

— Мастер Вейн, — сказал он. — Нам нужно поговорить. Немедленно.

— Что случилось?

Он вошёл и закрыл за собой дверь. Потом посмотрел на меня. Долго. Так, будто решал, стоит ли говорить.

— Камень, — наконец сказал он. — Он исчез.

Я вскочила.

— Как исчез?

— Просто. Утром его не было на постаменте. Печать цела. Надпись стёрта. А камня нет. — Он сделал паузу. — И ещё. Сторож, который умер. Его тело пропало из морга. Ночью. Никто ничего не видел.

Я смотрела на него, чувствуя, как холод поднимается по позвоночнику.

— Вы думаете, это связано со мной?

Адриан подошёл ближе. Остановился в шаге от меня. Его взгляд упал на мою ладонь — на знак, который я не успела спрятать.

— Я думаю, — сказал он тихо, — что вы что-то слышали. И не сказали.

— Я не...

— Не лгите мне, Элира. — Впервые он назвал меня по имени. — Я не Матиас. Я не боюсь вас. Но я боюсь того, что вы можете сделать, если он заговорит с вами снова.

Я хотела ответить. Хотела сказать, что ничего не знаю, что я просто реставратор, что я не просила этого. Но в этот момент лампа на столе погасла.

Не задуло. Не выключили. Просто свет внутри стекла свернулся в точку и исчез.

В темноте я услышала голос. Тот самый. Он был уже не в голове. Он был в комнате.

— Она не станет лгать тебе, капитан, — произнёс он. — Она просто ещё не поняла, что правда теперь принадлежит мне.

Адриан выхватил меч. Сталь блеснула в свете, которого не было.

А я стояла в темноте, прижимая к груди горящую ладонь, и чувствовала, как на моих губах появляется улыбка. Не моя. Чужая. И от этого было страшнее всего.

— Элира, — сказал Адриан, не опуская меча. — Отойдите от окна.

Я обернулась. Окна в моей комнате не было.

Но в стене, там, где ещё утром был глухой камень, теперь проступила чёрная щель. А в щели — глаза. Тёмные, как провалы между звёздами. И в них — то самое удовольствие.

— Скажи ему, — прошептал голос у моего уха, хотя рядом никого не было. — Скажи, что ты уже моя.

Я открыла рот.

И закричала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.